

ГЕРОЙ КАК ЧУЖОЙ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ИМАГОГРАФИЕЙ А.В. КОЛЧАКА

В.В. Журавлев

Аннотация. Адмирал А.В. Колчак возглавил антибольшевистский политический режим востока России в результате верхушечного военного переворота. В ситуации сомнительной легитимности власти пропагандистская машина лагеря контрреволюции приложила немало усилий для того, чтобы представить Верховного Правителя как необычайного героя, как исключительную личность. Однако этот сценарий репрезентации власти вождя российского антибольшевизма порождал неожиданные негативные эффекты, как среди опорных групп, так и среди более широких слоев населения. В статье рассмотрены восприятие фигуры А.В. Колчака накануне его прихода к власти, описание пропагандистской поездки адмирала на фронт в феврале 1919 г., отражение официального образа Верховного Правителя в торжественной оде Л.П. Холкина и, наконец, характерные черты образа Колчака в посвященной ему пропагандистской брошюре. Герой описывался как обладающий «естественным» правом на власть вследствие предельной иноприродности по отношению к обществу, которое его окружало. Разрыв мог осмысляться как в социальных, так и в национальных терминах, но неизменным было то, что элитный героизм воспринимался населением как радикально и непреодолимо чужой.

Ключевые слова: гражданская война, контрреволюция, белое движение, репрезентация власти, политическая пропаганда, политическая коммуникация

Журавлев Вадим Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, vvzh@mail.ru.

A HERO AS A STRANGER: SOME OBSERVATIONS ON THE IMAGOGRAPHY OF THE A.V. KOLCHAK

V.V. Zhuravlev

Abstract. Admiral A.V. Kolchak became the leader of the Anti-Bolshevik political regime in the Russian East as a result of the military coup d'état. Under the circumstances of doubtful legitimacy of power, the propaganda machine of the counterrevolution side did its best to introduce the Supreme Governor as an extraordinary hero and an exclusive figure. However, this scenario of representation of the power of the Russian anti-Bolshevism leader resulted in unexpected negative effects both among the core groups and among the larger strata of society. This article describes the perception of A.V. Kolchak's figure just before his coming to power, the propaganda trip of the Admiral to the front in February 1919, the representation of the official image of Kolchak in the ceremonial ode by L.P. Kholkin, and the characteristic features of the Supreme Governor image in the relevant propaganda brochure. The hero was described as having the "natural" right for power owing to his otherness in relation to society. The disparity could have been interpreted in social or national terms, but it remained constant that the elite heroism was perceived by the society as dramatically and absolutely alien.

Keywords: Civil War, counterrevolution, White movement, power representation, political propaganda, political communication.

Zhuravlev Vadim V., Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia; Associate Professor, Russian History Department, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, 1, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russia, vvzh@mail.ru.

11 июля 1919 г. П.В. Вологодский, председатель Совета министров Российского правительства адмирала А.В. Колчака, в сопровождении председателя Государственного экономического совещания Г.К. Гинса и личного секретаря прапорщика А.И. Венедиктова выехал в отпуск на курорт Боровое¹ в 270 км к юго-западу от Омска [Вологодский, 2006, с. 183]. Первоначально предполагалось, что сопровождавшие лица немедленно вернуться обратно, но они задержались на курорте на три дня, ожидая доставки топлива для автомобиля. В течение этого времени П.В. Вологодский, Г.К. Гинс и А.И. Венедиктов верхом и в экипажах объезжали достопримечательности Борового: «Тихий и Голубой заливы, каскады, пещеру Кенессара», — а также поднялись на расположенный в окрестностях невысокий кряж Булектау [Вологодский, 2006, с. 184].

В эти дни у высокопоставленных туристов состоялся любопытный разговор с двумя местными жителями, боровскими казаками, пересказ которого в своих мемуарах приводит Г.К. Гинс.

«Слыхали ли вы что-нибудь об адмирале Колчаке? — спросил я одного старика-казака, сын которого служил в Омске и гостил у отца третью неделю по случаю болезни... — Ничего не слыхали. Он, никак, будет из англичан. — Вот тебе и на. Неужели и сын не знает? — Как не знать, — замечает сын и тут же рассказывает некоторые эпизоды из военной жизни адмирала... И не сумею объяснить, почему, но мне показалось, что старик все-таки не поверил, что адмирал — русский» [Гинс, 1921, т. 2, с. 246].

Марк Блок по иному, но сходному поводу отмечал, что «несмотря на внешнюю незначительность», тексты такого рода «проливают свет на вещи чрезвычайно глубокие», и требовал от историка отнестись к ним «как можно более внимательно», в частности потому, что они «неизбежно отвечают особенностям коллективного сознания» [Блок, 1998, с. 81].

В данном фрагменте знаменательно многое, но первое, что содержит в себе вызов для вдумчивого исследователя — это растерянность мемуариста, который признается: «не сумею объяснить, почему...». Историк не имеет возможности последовать в этом примере автора текста. Более того, необходимость *объяснить* стоит перед ним и как профессиональный вызов, и как социальный императив. Как писал другой классик европейской историографии, «эпоха, потребовавшая больше человеческих жертв, чем какая-либо другая, именно поэтому нуждается в полном напряжении мышления» [Нольте, 2001, с. 6].

Некоторым наблюдениям, позволяющим *выяснить* и *объяснить* эту ускользающую историческую субстанцию, и посвящена данная статья.

«ОДИН ИЗ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ГЕРОЕВ...»

Несомненно, что вице-адмирал А.В. Колчак обладал заметной общерусской известностью еще до прихода к власти. Конечно, эта известность базировалась прежде всего на его реальных достижениях всей предшествовавшей биографии: речь шла о «репутации

¹ В наше время — поселок Бурабай, районный центр Акмолинской области Республики Казахстан.

талантливого исследователя, одного из реформаторов русского флота, героя Балтики, известного в военных кругах флотоводца, непримиримого врага Германии и большевиков» [Шишкин, 2008, с. 44]. Однако важной причиной этой известности являлось и умение Колчака работать со своим публичным образом [Колоницкий, 2009; Колоницкий, 2017], в том числе используя возможности прессы. Летом 1918 г. Колчак дважды выступил с печатными публикациями «в целях ознакомления со своими взглядами на происходящие события русской и иностранной общественности» [Шишкин, 2007, с. 775]. В первый раз это была публикация А. В. Колчака в газете «Голос Приморья» под названием «Единоличная власть» [Шишкин, 2007, с. 781], во второй – пространное интервью корреспонденту В. О. Риссу, перепечатанное позже рядом дальневосточных и сибирских газет [Июффе, 1983, с. 30–31; Шишкин, 2007, с. 775–777].

Какие черты самоописания выступают из этих текстов? В интервью Риссу Колчак рассуждает о тех периодах, которые принесли ему шумную славу – о времени Мировой войны и Февральской революции. В заметке в «Голосе Приморья» он апеллирует к временам значительно более отдаленным – к истории Древнего Рима: «Римская республика знала власть диктатора и обращалась к ней в тот момент, когда государству грозили величайшие бедствия» [цит. по: Шишкин, 2007, с. 781].

Но прежде всего – это мотив отстранения от борьбы за власть. В интервью это звучит так: «Я не политик... личных целей я никогда не преследовал и потому устранился» [цит. по: Шишкин, 2007, с. 775–777]. В более абстрактной форме, но тот же мотив звучит в заметке: «...разговоры о диктатуре вполне понятны. Тем не менее, вопрос этот требует величайшей осторожности, т.к. ни одна власть не способна так легко выродиться в самовластие, как власть диктаторская» [цит. по: Шишкин, 2007, с. 781].

Это сознательно выдвигаемые элементы образа именно *героического* типа: ведь важнейшими характеристиками героя является, во-первых, то, что он прославлен, во-вторых, то, что он приобщен героической традиции, и наконец, то, что он не ищет «личных целей», в частности «самовластья».

Тактическая успешность и эффективность подобного репрезентативного сценария видна из многочисленных свидетельств современников.

П. В. Вологодский, описывая в дневнике первую встречу с вице-адмиралом 20 сентября 1918 г. во Владивостоке, так характеризует своего собеседника: «Вечером посетил меня известный своим героизмом перед требованиями, [выдвинутыми] взбунтовавшимися черноморскими матросами вице-адмирал А. В. Колчак» [Вологодский, с. 91].

Один из ключевых деятелей Временного Сибирского правительства, министр снабжения И. И. Серебrenников вспоминал о своей первой встрече с вице-адмиралом после прибытия последнего в Омск из Владивостока 13 октября 1918 г.: «Вскоре после своего приезда в Омск адмирал Колчак решил представиться Сибирскому правительству, и мне пришлось официально принимать его в помещении Совета министров. Когда мне доложили, что меня желает видеть адмирал Колчак, я с огромным

интересом и даже некоторым волнением стал ждать встречи с этим выдающимся русским человеком, который уже тогда представлялся весьма крупной фигурой в нашем антибольшевистском лагере. <...> Посещение адмирала вызвало сенсацию среди служащих канцелярии Совета министров и породило, как я узнал потом, много разговоров. Появление А.В. Колчака в Омске вызывало вообще различные толки. Невольно как-то всем казалось: "Вот человек, за которым стоит будущее! Он непременно заставит еще говорить о себе..."» [Серебренников, 2003, с. 413–414].

Г.К. Гинс так писал о восприятии Колчака в те дни: «Кто мог соперничать с ним по известности <...>?» — и отмечал, что «адмиралом интересовались, за ним следили, он был слишком яркой фигурой на сибирском горизонте, его имя стояло вровень с именами Алексеева, Корнилова, Деникина» [Гинс, 1921, т. 1, с. 276, 283].

Штаб-офицер для поручений начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник И.С. Ильин 19 октября 1918 г. так передавал в своем дневнике слова председателя Омского комитета Партии народной свободы, члена бюро Омского отдела Союза возрождения России В.А. Жардецкого: «Жардецкий <...> остановился на характеристике Колчака, которого назвал исключительным человеком...» [Ильин, 2016, с. 338].

Наконец, 29 октября 1918 г. в официальном органе Временного Сибирского правительства газете «Сибирский вестник» была опубликована статья под названием «Адмирал Колчак». Ее автор, подписавшийся инициалами «Д.К.», прямо утверждал: «Адмирал Александр Васильевич Колчак несомненно является одним из самых популярных героев настоящей мировой войны» [Д.К., 1918].

Итак, «исключительный человек», «выдающийся человек», «один из самых популярных героев». Именно с учетом такой репутации бывший флотоводец и отставной командующий русскими войсками в полосе отчуждения КВЖД 4 ноября 1918 г. был назначен на пост военного и морского министра Временного Всероссийского правительства (так называемой «Директории»). И именно с учетом этой репутации правые политические силы, противостоявшие Директории, объединились вокруг имени адмирала как своего знамени. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел государственный переворот, свергший Директорию и передавший «всю полноту» верховной власти в руки А.В. Колчака.

Новая власть возвестила о своем образовании двумя декларативными актами — воззванием Верховного Правителя «К населению» от 18 ноября 1918 г. [ПВ, 1918, 20 ноября] и приказом по армии Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего № 46 от 23 ноября 1918 г. [ПВ, 1918, 27 ноября].

Прежде всего, в этих документах Верховный правитель постарался отвести от себя обвинения в собственной инициативе по захвату власти, тень узурпации не должна была пасть на образ героя.

Приказ по армии аргументировал необходимость произошедшей смены власти и подчеркивал, что не сам Колчак был инициатором этой смены: «В час колебаний

государственной власти и угрозы новой анархии, я не своею волей принял страшную тяжесть верховной власти и всю ответственность с ней связанную перед родиной нашей...» [ПВ, 1918, 27 ноября]. В воззвании же конкретно описывался преемственный процесс транзита верховной власти: «Временное Всероссийское правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота, Александру Колчак[у]» [ПВ, 1918, 20 ноября]. Однако следующая фраза указывала на значительно более высокий, чем Совет министров Временного Всероссийского правительства, источник власти. «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, — объявляю...». Выражение «приняв крест» — явный парафраз Евангелия: «Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9:23). Здесь образ героя наделяется христианскими коннотациями и тяготеет к превращению в образ святого.

Различия наблюдаются и в описании высшей цели государственного строительства. Хотя оба эти документа формулировали ее исходя из международного фокуса, но если приказ по армии говорил про обретение Россией «подобающего места среди великих государств» [ПВ, 1918, 27 ноября], то обращение к населению выдвигало в качестве такой цели значительно более мондиалистски акцентированную формулу: возможность «осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру» [ПВ, 1918, 20 ноября].

ТРИУМФАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

На первых порах политико-символические действия новой власти были локализованы в столичном Омске. После публикации обращений к обществу и армии последовала пресс-конференция А.В. Колчака 28 ноября 1918 г. Далее был проведен ряд парадов и смотров частей, и, наконец, 29 января 1919 г. состоялась церемония принесения Верховным Правителем присяги во временных присутствиях департаментов Правительствующего Сената [Журавлев, 2011]. Информация обо всех этих репрезентационных акциях, тексты высказываний, являвшихся их содержанием или сопровождавших их, доносилась до населения посредством прессы [Луков, Шевелев, 2007, с. 122].

Однако насильственный характер переворота, шаткая и малоубедительная легальность передачи власти адмиралу А.В. Колчаку, аресты нескольких видных деятелей предшествующего этапа антибольшевистской борьбы, конфликт с атаманом Г.М. Семеновым, болезнь Верховного Правителя во второй половине декабря 1918 г. и особенно эксцессы, подобные омскому восстанию 22–23 декабря 1918 г. [Омские события при Колчаке, 1924; Вибе, 1994], вносили существенный негативный вклад в восприятие власти Колчака различными группами населения. Становилось очевидно, что существует потребность в более масштабном, интенсивном и привлекательном предъявлении обществу идеологической формы и политического содержания нового режима. Г.К. Гинс описывал пропагандистский замысел власти следующим образом: «Успехом на фронте

он [А.В. Колчак] хотел поднять престиж власти и внутри и вне страны» [Гинс, 1921, т. 2, с. 94]. Важнейшим стратегическим успехом белых в этот период времени было взятие города Перми частями Сибирской армии в ночь с 24 на 25 декабря 1918 г. [Симонов, 2010, с. 372–380]. Поездка Верховного Правителя в первый город европейской части страны, взятый войсками, находившимися под его командованием, представлялась как удачная возможность реализации этого замысла. Такая поездка и была совершена адмиралом А.В. Колчаком 8–26 февраля 1919 г.

Подготовка и организация поездки осуществлялась Управлением делами Верховного Правителя и Совета министров; в частности, к поезду Верховного Правителя был прикомандирован в качестве специального корреспондента известный литератор С.А. Ауслендер. В издававшейся в Омске газете «Сибирская речь» им были опубликованы две масштабные серии материалов.

Первая называлась «Из поезда Верховного Правителя» и включала одиннадцать корреспондентских телеграмм, посланных по ходу самой поездки и оперативно опубликованных на следующий же день. Вторая, под названием «В поезде Верховного Правителя», представляла собой серию из четырнадцати очерков, опубликованных на протяжении всего следующего месяца, между 1 марта и 3 апреля 1919 г. включительно.

Остановимся на первой, более краткой, серии [СР, 1919, 12 февраля; 13 февраля; 14 февраля; 18 февраля; 19 февраля; 21 февраля; 22 февраля; 23 февраля; 26 февраля; 27 февраля]. Ее совокупный текст имеет типичную для тревелогов двойную структуру: первая – внешняя, реперами которой являются географические пункты, посещенные героем, и внутренняя – идейная, стадийно раскрывающаяся.

Характерным образом представлена «сцена», на которой разворачивается действие. Адмирал посещает места и окружен обстоятельствами исключительно высокоэстетичными: «красиво украшенный зеленью и флагами вокзал», «необычайно живописную дорогу по берегу озера, между высоких лесистых гор», «живописную, окруженную горами долину», обходит боевые части «по снежным тропинкам», едет на тройке «в солнечный день», и даже приветствующие его киргизские всадники одеты в экзотические «ярко-алые чалмы».

Главным персонажем данного текста является сам А.В. Колчак. В тексте он упоминается 153 раза. Причем за исключением косвенных упоминаний в названии 25-го Екатеринбургского полка и описании украшавших Пермь вензелей он нигде не назван по имени (кстати, звание «адмирал» также упомянуто только один раз); в подавляющем большинстве случаев он именуется «Верховным Правителем», 15 раз – «Верховным Главнокомандующим». Перед нами – анонимное воплощение государства.

С кем же он взаимодействует? По именам среди многочисленных персонажей, заполняющих сцену, названы всего девять человек: пять военачальников – Р. Гайда, А.И. Дутов, В.О. Каппель, А.Н. Пепеляев, М.В. Ханжин, два представителя церкви – епископ Борис (Шипулин), названный Казанским (хотя в действительности он не носил данного звания и имел полномочия лишь викария Казанской

епархии) и епископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), один деятель Партии народной свободы – Л.А. Кроль, политический руководитель чехословацкого корпуса Б. Павлу и, по возвращении в Омск, – председатель Совета министров П.В. Вологодский. Комплект вполне «говорящий», описывающий то, как автор хочет представить систему главных «точек опоры» колчаковского режима.

На уровень ниже находится значительно более широкий круг не названных по именам персонажей, упомянутых по своим должностям или принадлежности: «городской голова», «председатель земской управы», «датский консул», «настоятель собора», «представитель горнозаводчиков», «пятнадцатилетний доброволец-реалист» и т.п. Три мировых деятеля присутствуют заочно, упоминаемые в речах других персонажей: это римский папа Бенедикт XV (упоминаемый французским военным аббатом), английский премьер Д. Ллойд-Джордж и американский президент В. Вильсон (упоминаемые А.В. Колчаком).

Наконец, еще более многочисленными выступают коллективные персонажи: «крестьяне», «рабочие», «члены войскового круга», «бойцы», «юнкера», «раненые», участники «шумных восторженных манифестаций», парадов, смотров, встреч и т.д.

Какими символами все это оформляется? Бросается в глаза заметное число «старорежимных» знаков. Так, четыре раза по отношению к лицам, сопровождавшим Верховного Правителя, употребляется вполне монархический термин «свита». Пермь украшена «вензелями». Встречающий Колчака курганский администратор вместо занимаемой им должности «уездного комиссара» назван дофевральским термином «начальник уезда». Наконец, ярким символом восстановления преемственности являлось описание вручения 25-му Екатеринбургскому полку «старого боевого знамени, украшенного георгиевскими знаками».

Одновременно в речах самого Колчака постоянно упоминаются «дух демократизма», «принципы демократичности» (правда, на данный момент ограниченные «суровыми требованиями беспощадной борьбы»), «демократия» (в значении социальной группы, как простой народ), грядущее «Национальное учредительное собрание» или безымянный «орган представительства, выражающий подлинную волю русского народа».

Весь текст пронизан темой связи с внешним миром, прежде всего союзниками по Антанте. Скрупулезно перечислены дипломатические представители в невысоком ранге консулов, с которыми встречался А.В. Колчак: два британских, два французских, два американских консула, один датский и даже один австрийский. Подчеркнуты встречи с иностранными военнослужащими: чехословацкими, французскими, британскими, сербскими. Как уже указывалось, имена лидеров Британии, Соединенных Штатов и главы Католической церкви также носят знаковый характер. Таким образом, поездка внутри страны как бы приобретала признаки международного события.

Старательно подчеркивается энтузиазм всех, с кем встречается Верховный Правитель: солдат целует георгиевскую ленточку, гимн «Коль Славен» по

требованию собравшихся исполняется многократно, Колчака приветствуют «шумные восторженные манифестации». Дело не только в ажиотаже, приезд Верховного Правителя оказывает поистине чудотворное воздействие: день визита сразу становится «днем удачи», так как «в этот день было занято три деревни и взяты два орудия и пулеметы».

Г.К. Гинс писал: «Восстание в Омске и взятие Перми произошли почти одновременно. Второе затмило первое» [Гинс, 1921, т. 2, с. 94]. Такие настроения возникли не стихийно. В значительной степени они были вызваны целенаправленной деятельностью по формированию общественного мнения.

ВЕЩЕЙ КОЛЧАК

О том, как официальная пропаганда воспринималась опорными группами режима, свидетельствует оригинальный идеологический текст — торжественная хвалебная ода, написанная жителем города Уфы Л.П. Холкиным [Приветственные послания..., 2012, с. 280–282]. Это сочинение, несомненно, графоманское по своим качествам, тем не менее обладает весьма интересным идейным содержанием.

Стихотворение немалым объемом в 59 строк имело посвящение «Воплотителю души народной адмиралу Колчаку» и было отправлено по почте на имя адмирала 16 апреля 1919 г. Об авторе известно лишь то, что он проживал в Уфе на улице Пушкинской, в доме 95. Это центр Уфы, один из его наиболее богатых районов. Послание было получено в Канцелярии Верховного Правителя 23 апреля 1919 г.

Ода начинается с экспозиции, в которую заложено противопоставление двух начал — исторических изменений и внеисторического рассуждения о неизменной человеческой природе. «Во все века», — начинает автор, далее конкретизируя и характеризуя эти века («наши дни», «дни прогресса» и «былое время», «время братства») и разворачивая картину человеческих пороков, существующих вне исторических перемен («при всяком строе царства»).

Однако среди множества пороков стихотворец уделяет свое внимание лишь двум: презрению к труду и собственности и склонности к вражде. Эта пара предстает зеркально-негативным отражением формулы «пролетарская революция».

*Во все века, при всяком строе царства
И даже в дни прогресса — в наши дни,
Как и в былое время — время братства
Живут не все довольные одни.*

*Иной трудом невольню тяготится,
Легко срывать желает жизни плод;
Чужое брать нисколько не стыдится
И все же сам бранит небесный свод.*

*Иной любви и дружбе изменяет,
В коварстве видит истинный кумир,
Его лишь злость безумная пленяет,
Раздор, вражды, — но не покой и мир.*

В четвертой строфе «недовольным» противопоставляются люди, призванные судьбой ко благу.

*Но мысли есть, а есть и убежденья,
Где недовольство людям похвала,
Тех ясны всем благие побужденья
И их для блага в мир судьба звала.*

Далее является герой оды:

*Таков Колчак — Руси объединитель,
Могучий вождь народа своего,
Маг, чародей, — отечества спаситель
Исполнен воли Бога одного!*

*Святая Русь! — Молитвой вдохновенной
И верою проникнись до конца,
Чтоб стать самой собой, но обновленной...
Он царского не ждет себе венца...*

*Герой народный — выше венценосца
И титул «царь» не нужен для него;
Достоин он названья правдоносца
Во все века, для всех и для всего.*

*Им начат подвиг, подвиг беспримерный
И равного не сыщется ему!
Глагол его — глагол нелицемерный:
На помощь все герою своему!*

Весь этот фрагмент наполнен переключками со стихотворным прототипом сочинения жителя улицы Пушкинской — пушкинской «Песню о вещем Олеге». Отсюда «маг, чародей» («вдохновенный кудесник»), «исполнен воли Бога одного» («Покорен Перуну старик одному»), «название правдоносца», «глагол нелицемерный» («правдив и свободен их вещей язык»), «могучий вождь» («могучих владык») и ряд иных параллелей.

Но значительно интереснее не заимствования, а различия идейного содержания этих двух стихотворений. Баллада А. С. Пушкина является важной частью большого нарратива русской классической литературы о взаимоотношения интеллигенции и власти. Волхв и князь находятся у Пушкина в конфликтном противопоставлении. Кудесник отвергает «княжеский дар», утверждает свою независимость от политической власти, пророчеством о смерти напоминает о земной ограниченности этой власти. Князь «ургюмо» подчиняется словам волхва, после чего и обретает все

обещанные ему победы. Но далее следует оскорбление носителя высшего знания. «Карой за сомнение в истине слов вещего слуги Перуна оказывается смерть Олега» [Гуковский, 1965, с. 356]. Это — «поэтическое изображение конфликта между “властителем дум” и властителем государства <...> между Пушкиным и Романовым» [Альтман, 1964, с. 138]. Недаром это стихотворение относили к числу «декабристских», «тираноборческих» произведений классика.

В тексте Холкина противоположные фигуры представителей власти и интеллигенции на первый взгляд сливаются в единый образ: Колчак одновременно и «могучий вождь народа своего» (пушкинский «могучий владыка»), и «маг, чародей» (пушкинский «кудесник»).

Впрочем, более пристальное рассмотрение показывает существенное преобладание интеллигентских черт в образе Колчака. Он, наследуя пушкинскому тексту, «покорен воле Бога одного», он прежде всего — правдоносец (ср. бердяевское «Философская истина и интеллигентская правда» [Бердяев, 1991, с. 11–30]), важнейшим его делом является слово («глагол»). Три строки между «...Бога одного!» и «Он царского...» можно рассматривать как содержание этого «нелицемерного глагола» и поэтическое переложение финальной фразы из первого колчаковского приказа по армии от 23 ноября 1918 г. («Да поможет нам Господь Бог всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли, выполнить свои обязательства и долг перед Родиной» [ПВ, 1918, 27 ноября]¹). Наконец, утверждение, что «Он царского не ждет себе венца», одновременно являлось и корреляцией именно с позицией пушкинского волхва («и княжеский дар им не нужен»), и парафразом к другому фрагменту текста приказа по армии («я не своею волей принял страшную тяжесть верховной власти <...> я призываю Вас <...> создать условия <...> жизни, когда временная верховная власть Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле») [ПВ, 1918, 27 ноября].

Более того, если взглядеться, то и следы прежнего антимонархического протеста проступают в холкинском тексте: образ поверженного кудесником монарха угадывается в контурной фигуре «венценосца», с которым «герой народный» по-прежнему находится в антагонистических отношениях. Таким образом, Колчак Холкина нарисован как представитель интеллигенции, обретший власть.

Далее следует строфа о благодетельности и равенстве всех религий. Затем — призыв ко «всем» исполнить свой долг перед страной, освободить Москву и Кремль, в котором «нет места для евреев... для немцев также» (это один из двух случаев, когда в приветствиях в адрес Колчака звучал антисемитский мотив).

¹ Принадлежность текста приказа в целом и данного фрагмента в частности личному авторству А.В. Колчака подтверждается использованием характерного для него оборота «обязательства и долг». Он неоднократно встречается в письмах к А.В. Тимиревой, например в одном из писем от августа 1917 г.: «Я говорил сегодня... о конечной цели жизни — славе военной, ореоле выполненного обязательства и долга перед своей Родиной». См.: [Миляя..., 1996, с. 100].

После этого автор обращается к историческим параллелям, парадоксальным образом проводя аналогию между наступлением армии адмирала Колчака на Москву и завоеванием Сибири атаманом Ермаком. Эти строфы можно считать рифмованным изложением тезиса из пропагандистской брошюры, опубликованной издательством «Закупсбыта» в Новониколаевске: «Когда-то Москва завоевала Сибирь у татарского хана Кучума, а теперь Сибирь идет отнимать у большевиков Москву» [Сибирь и Москва, 1919; Н.В., 1919]. Восхваление Колчака сопровождается проклятием врагам: «Позор и смерть!» — провозглашает Холкин.

*Горсть храбрецов Сибирь взяла когда-то,
К ногам Москвы полóжила ее;
Сибири рать идет на супостата,
Что б взять Москву, чтоб взять теперь свое.*

*Хвала и честь воителям отважным,
Хвала и честь за подвиг Ермаку;
Позор и смерть гонителям продажным!
Хвала и честь за подвиг Колчаку!*

Л.П. Холкин завершает свое стихотворение здравицей России, соединенной с проклятием в адрес «врагов», чьи сужденья «вздорны, лживы» и «служат... сатане», и призывным обращением к герою: «В Москву, смельчак, во Кремль святой скорей, Колчак!».

Идейный комплекс данного стихотворения на первый взгляд производит впечатление эклектичной неоднородности. В самом деле, с одной стороны — республиканизм, положительный идеал обновленной России и признание равенства религий, с другой — моральная критика прогресса, националистическая ксенофобия, архаические и православные реминисценции. Однако подобный дуализм — не исключение, а фундаментальная норма антибольшевистского мировоззрения. Точкой идеологической сборки служила фигура исключительного, «беспримерного» героя, героя, сочетавшего в своем образе как обладание властью, так и традиционные функции интеллигенции.

«НА РИМСКИХ КАМЯХ ИСКУСНЫЙ ХУДОЖНИК ЗАПЕЧАТЛЕВАЛ ОБРАЗ ВОИНА И ГЕРОЯ...»

Одной из форм решения задачи репрезентации фигуры носителя верховной власти российскому обществу являлось создание и публикация популярных брошюр и листовок, содержащих различные варианты жизнеописания Верховного Правителя. На данный момент в различных архивохранилищах, библиотечных собраниях и музейных коллекциях выявлена информация об одиннадцати таких изданиях [Адмирал..., 1919; Верховный правитель..., 1919а; Ауслендер, 1919а; Ауслендер, 1919б, Б.И.Ч., 1919; Верховный..., 1919б; К народу русскому..., 1919; Кипарисов, 1919; Морской, 1919; Ольгин, 1919; Щепкин, 1919].

Пять из них были опубликованы на востоке России и пять — на «белом» Юге, место издания одной брошюры не определено. У семи изданий указано авторство, из

них в двух случаях — псевдоним, в одном — как псевдоним, так и настоящее имя, остальные — анонимны. У восьми публикаций указан издатель или типография — в четырех случаях это коммерческие издательства, в трех — официальные военные и правительственные информационные структуры, в одном — и то, и другое одновременно. Размеры этих сочинений существенно различились — от семи сотен слов до более чем 60 тысяч слов.

Несомненно, что брошюра «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», принадлежавшая перу С.А. Ауслендера, являлась самой известной из пропагандистских биографических публикаций, посвященных главе восточно-российского антибольшевистского движения. Данная брошюра была опубликована не ранее 1 июня 1919 г. Известны данные о тираже брошюры: 99 875 экземпляров, что несколько выше среднего тиража изданий, выпущенных Русским бюро печати в период с июня по октябрь 1919 г. [Луков, Шевелев, 2007, с. 122–123; Шевелев, 2010, с. 116]. Брошюра достаточно объемна — 38 страниц текста и страница обложки, на которой размещен портрет А.В. Колчака работы художника Г.А. Ильина. Текст состоит из семи частей.

В начале первой части С.А. Ауслендер описывает состояние *déjà vu* при первой встрече с адмиралом. Автору непонятно, почему лицо этого человека кажется ему знакомым, он пытается припомнить, где он его уже видел. Ответ предсказуем: «на римских камнях искусный художник запечатлевал образ воина и героя».

В данном случае речь идет о Древнем Риме как своего рода эталоне истории вообще и героизма в частности. То, что нос, подбородок, губы и даже глаза героя выглядят «римскими», должно говорить о статусе Колчака как исторического деятеля.

«Римские» ассоциации автора неслучайны, они были заданы самим героем повествования. 28 ноября 1918 г. на встрече с представителями прессы А.В. Колчак заявил: «Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным Правителем» [Задачи верховной власти..., 1918; Прием представителей..., 1918]. Как мы уже отмечали, впервые данная апелляция была сформулирована Колчаком еще в начале июля 1918 г. во владивостокской газете.

И.Г. Девятьярова отмечает наличие сходной тенденции в визуальной репрезентации А.В. Колчака. Вот что она фиксирует, говоря об официальном фотопортрете Верховного Правителя: «...неизвестный фотограф усилил ассоциации сходства модели с образами героического римского портрета в скульптуре и камнях» [Девятьярова, 2017, с. 98].

Далее Ауслендер еще раз прибегает к тому же приему. Такие «лица далеких победителей» он видел в детстве на страницах «старых книг с выцветающими гравюрами». Отсылка не к конкретному образу, а к «старым книгам» вообще позволяет прописать героя сразу во всей мировой культуре и отделить его от эмпирического настоящего. Это четко резюмируется: «жизнь его... становится достоянием истории».

Отдалив от читателя образ Колчака отнесением его к миру сакрализованной истории, к миру «камей» и «гравюр», автор перебрасывает между ними мостик. Делается это опять через противопоставление. Текст включает длинную инвективу в адрес «больших и маленьких властителей», которые, с одной стороны, «опьяняются, теряют чувство меры», с другой — становятся в «фальшивые позы», «надевают маски» и наконец «становятся мертвыми манекенами партийности», от чьих «жестов механических» «совершаются события роковые, проливается кровь». Непоименованным антигероем этого фрагмента выступает глава свергнутого Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьев (но и одновременно его «прототип» — А.Ф. Керенский¹), «недавний властитель», «овеванный холодом предвзятых теоретических выкладок, которого не может преодолеть даже пафос звонко-пустого красноречия». В антитезу этому говорится, опять с апелляцией к позиции непосредственного свидетеля, о «какой-то необычайной подлинной человечности» героя. В диапазоне его забот наряду с высокими вопросами находится место и «потерявшемуся вагону хлеба» и «невыдаче керосина», о которых рассказывает «делегация рабочих». Колчак обладает «человеческой простотой», а постоянная забота обо всех делает его лицо «совсем близким каждому», и он, в свою очередь, своим взглядом «замечает каждое лицо». Герой одновременно и чужд, и близок каждому, и величественен, и прост.

Далее автор пишет: «в нем есть что-то, что приковывает взоры и сердца помимо воли, что-то магнетизирующее». Эти мистические свойства объясняются его контактом со смертью и реализуются в том, что герой умеет «владеть толпой», умеет сохранить авторитет перед лицом «революционного безумия».

Когда автор переходит к внутренним качествам героя, он снова использует противопоставление. Колчак отделяется от многочисленных «храбрых и безупречных воинов», которым были чужды «многие государственные вопросы». Герой описывается и как воин, и как ученый, и как государственный и политический деятель, наконец, как человек, «многое познавший в жизни различных стран».

Вторая часть брошюры представляет монтаж собственных текстов Верховного правителя, приведенных буквально или в пересказе и сопровождаемых некоторыми комментариями автора. Предшествовавшая явлению героя ситуация описывается как «разъединение», «раздор» и «распад». Далее следует описание благотворного воздействия героя: «Он сумел соединить Армию в одном порыве», исчезли «разногласия между Властью и Армией», теперь «мысли и дела их спаяны вместе неразрывно». Описывая ход гражданской жизни, автор говорит об отсутствии разногласий Колчака с Советом министров. Вся деятельность Колчака описывается как подчиненная исключительно «интересам целого».

В итоге «непосредственно за поездкой Верховного правителя наши армии повсеместно перешли в победоносное наступление», «именно после выступлений» Колчака в Перми местным политическим партиям «удалось примирить свои

¹ Н.Д. Авксентьева современники неоднократно сравнивали с главой Временного правительства 1917 г., указывая, что по своей политической манере он «чрезвычайно походил на Керенского» [цит. по: Иоффе, 1983, с. 90].

разногласия и соединиться в блок». Таким образом, слова героя наделяются силой непосредственного действия, чудесно преображают действительность, преодолевают «разъединение» и творят «единство».

Эта часть завершается рассуждением, служащим переходом к биографическому блоку. Оценка жизни героя дается заранее, не только предваряя, но и окрашивая все дальнейшее повествование. Данный фрагмент вновь возвращает читателя к идее исключительности героя, выводя последнего из-под юрисдикции своей эпохи: «в годы безвременья, приведшего нас к страшной катастрофе... когда... люди научились ярко желать и твердо действовать... кажется такой удивительной, несомненной эта жизнь» [Ауслендер, 1919b, с. 18].

Все последующие пять частей, за исключением финала последней, представляют собой изложение жизненного пути героя, приведшего его на пост Верховного правителя. При этом автор, отказывая своим современникам в праве быть даже аудиторией рассказа о судьбе героя, адресуется непосредственно к «какому-нибудь будущему историку, который будет творить суд всем нашим делам».

Последняя часть брошюры посвящена событиям революции и начавшейся гражданской войны. Она представляет развернутую картину крушения армии и государства. На фоне этой обстановки открываются новые качества героя — способность, пусть временно, вызывать «просветление» у революционных матросов, а также «дар глубокого предвидения», позволявший ему видеть, что именно «ожидает армию, флот и всю Россию», он один может жить без охраны среди города, «опьяненного большевистским дурманом». Далее описывается ситуация «пророка в своем отечестве»: адмирал оскорблен происходящим на родине, а иностранцы (американская миссия сенатора Э. Рута) высоко ценят адмирала, приглашают его к себе. Затем следует эпизод с поступлением на британскую службу. Сам этот акт описывается в намеренно архаичной лексике феодальной эпохи — «предложил свою шпагу». Эпизод явно рассматривается не как компрометирующий, а как авторитетное (в этом эпизоде словосочетание «Английское правительство» упомянуто четыре раза) подтверждение уникальных качеств героя. Впрочем, такая оптика унаследована из текста автобиографии Колчака [ГАРФ, ф. Р-341, оп. 1, д. 68, л. 2–6об.; другой экземпляр, в худшем состоянии, с лакунами: ГАРФ, ф. Р-341, оп. 1, д. 52, л. 13–22, опубликован: Шишкин, 1992, с. 128–146; Шишкин, 1993, с. 131–142] и соответствует собственной точке зрения адмирала: если бы он сам не захотел сообщить о своей несостоявшейся «английской службе», о ней и не стало бы широко известно.

Данная часть заключается финалом, общим для всего повествования. Автор вновь обращается к трансцендентным силам: Колчак «поставлен во главе новой национальной власти» не кем-нибудь, а «судьбой», причем поставлен «конечно, не случайно». Вновь, уже третий раз, повторяется, что жизнь героя «несхожа с жизнью наших современников».

Завершает текст поэтичный метафорический фрагмент. «И вот адмирал поднялся на дредноут с прекрасным и великим именем “Россия”». Важно, что для метафорического именованья страны автор выбирает не нативное слово «корабль» или, например,

«линкор», а разительный англицизм «дредноут» (*dreadnought*). «Он поведет эскадру в бой. Много опасностей, много гибельных рифов на пути, много вражеских мин, но разве ему впервые глядеть судьбе прямо в глаза? Разве там, в Ледовитом океане, в Порт-Артуре, в Рижском заливе, на Черном море смерть не касалась черным крылом его головы, но разве он склонялся, разве он забывал, что много жизней вручены его умению, его твердости, наконец его удачливости» [Ауслендер, 1919b, с. 37–38].

НАД КАРТОТЕКОЙ ОТРАЖЕНИЙ

Итак, несомненно, имя Колчака было вполне известно населению. Средства массовой информации, публичные церемонии и ритуалы, фотографии и плакаты делали его образ знакомым и узнаваемым. Однако они же, подчиняясь культурным и политико-идеологическим ориентирам групп, референтных режиму, отстраняли его от людей, у которых в детстве не было «старинных книг с выцветающими гравюрами».

В середине XIX в. Якоб Гримм в своем фундаментальном труде «Германская мифология» особую главу, озаглавленную «Герои», начинал со следующего рассуждения: «Между богом и человеком есть определенная переходная ступень, на которой, с одной стороны, высшее существо приближается к земному бытию, а с другой — выражено проявляется человеческая сила <...> Иерархически герой стоит между богом и человеком так же, как дворянин — между царем и свободным гражданином; боги могли происходить из рода героев, как и цари — из дворян» [Гримм, 2018, с. 681]. В некотором смысле та же идея звучала в крестьянских толках, приводимых писателем В. В. Ивановым: «Вон царя-то в Омске не русского посадили...» [Иванов, 1921, с. 5].

Омская пропаганда, пытаясь хоть как-то обосновать права на власть авторитарного главы контрреволюционного режима, подчеркивала его личную исключительность и сопричастность к европейской культуре. Герой описывался как настолько иноприродный по отношению к обществу, которое его окружало, что вследствие этого обретал «естественное» право на власть.

Такой сценарий репрезентации лишь добавлял отчуждения между и без того не слишком укорененной властью и основной частью населения. Разрыв мог осмысляться как в социальных, так и в национальных терминах, но неизменным было то, что элитный героизм воспринимался населением как радикально и непреодолимо чужой. Эти политические настроения звучали все более в унисон со словами большевистского гимна. По ту сторону фронта пели: «Никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь и не герой...».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адмирал Александр Васильевич Колчак [Пермь]: Издательство «Освобождение России», [1919]. 2 с.

Альтман М. С. Заметки о Пушкине: Кто «вещий» в «Песни о вещем Олеге»; Топол и тополь; Пушкинские реминисценции из Крылова // *Русская литература*. 1964. № 1. С. 138–142.

- Ауслендер С. Адмирал Колчак. [Пермь: Газета «Сибирские стрелки», 1919а]. 8 с.
- Ауслендер С. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск: Типография Русского общества печатного дела, [1919b]. 33 с., 1 илл.
- Б.И.Ч. Адмирал Колчак. Ростов н/Д., 1919. 16 с.
- Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // *Вехи. Из глубины*. М.: Правда, 1991. С. 11–30.
- Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
- Верховный правитель А.В. Колчак. [Пермь]: Издательство «Освобождение России», [1919а]. 1 илл.
- Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак. Б.м., [1919b]. 16 с. 1 илл.
- Вибге П.П. 22 декабря 1918 в Омске // *Омский историко-краеведческий словарь*. М., 1994. С. 49–50.
- Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевицких правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / Сост. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань: Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. 619 с. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 68.
- Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 1: Ч. 1. Большевизм. Областные правительства. Директория. Пекин: Общество возрождения России, 1921. 325 с.
- Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 2: Ч. 2–3. Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. Пекин: Общество возрождения России, 1921. 606 с.
- Гримм Я. Германская мифология / Под ред. Ф.Б. Успенского. Т. 1. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 928 с.
- Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965. 356 с.
- Д.К. Адмирал Колчак // *Сибирский вестник*. 1918. 29 октября.
- Девятьярова И.Г. Портреты Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака (1919 г.): к истории создания и бытования // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.)*. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 440 с.
- Журавлев В.В. Открытие Временных присутствий департаментов Правительствующего Сената в Омске 29 января 1919 года // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 171–191.

Задачи верховной власти: Беседа представителей печати с Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком // *Правительственный вестник*. 1918. 30 ноября.

Иванов В. Партизаны: Рассказ // *Красная новь*. 1921. № 1. С. 5–31.

Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Русский путь, 2016. 480 с.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 298 с.

К народу русскому о Верховном Правителе и правительстве / Штаб Верховного главнокомандующего. [Омск, 1919]. 7 с.

Кипарисов В. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак / [Омск]: Издание Литературно-художественного отдела канцелярии штаба 3-й армии, 1919. 37 с., 1 илл.

Колоницкий Б.И. Адмирал Колчак как «сын лейтенанта Шмидта» // *Колоницкий Б.И.* 1917: семнадцать очерков по истории российской революции. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2017. С. 73–86.

Колоницкий Б.И. Память о первой российской революции в 1917 году: случаи Севастополя и Гельсингфорса // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 2. С. 20–54.

Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918–январь 1920 г.). Томск, 2007. 184 с.

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». Сб. док. / Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченков, И.К. Сафонов. М., 1996. 576 с.

Морской Н. (Лебедев Н.К.) Кто такой Колчак? Ростов н/Д., 1919. 14 с. (Народная библиотека. [Вып.] 3. Серия 2-я: Вожди и герои России).

Н.В. Сибирь и Москва // *Свободная Сибирь* (Новониколаевск). 1919. 30 января. № 21. С. 2–3.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.

Ольгин И. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Харьков: Тип. М. Дрейшпуль и С-вья, 1919. 31 с., 1 илл.

Омские события при Колчаке / Предисл. М.М. Константинова // *Красный архив*. 1924. № 7. С. 201–246.

Правительственный вестник (ПВ). 1918. 20 ноября.

Правительственный вестник (ПВ). 1918. 27 ноября.

Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918–ноябрь 1919 г. / Сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб., 2012. 560 с.

Прием представителей печати Верховным Правителем // *Сибирская речь*. 1918. 30 ноября.

Серебреников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / Сост. В.А. Майера. М: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 695 с.

Сибирская речь (СР). 1919. 12 февраля; 13 февраля; 14 февраля; 18 февраля; 19 февраля; 21 февраля; 22 февраля; 23 февраля; 26 февраля; 27 февраля.

Сибирь и Москва. Новониколаевск: Новая Россия, Закупсбыт, 1919. 16 с.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году Новосибирск, 2010. 613 с.

Шевелев Д.Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 340 (ноябрь). С. 113–117

Шишкин В.И. 1918 год: от Директории к военной диктатуре // *Вопросы истории*. 2008. № 10. С. 42–61.

Шишкин В.И. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября–18 ноября 1918 г.) // *Голоса Сибири: Литературный альманах*. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 773–824, 1445–1453.

Шишкин В.И. Колчак о себе // *Грани (Франкфурт-на-Майне)*. 1992. № 165. С. 128–146.

Шишкин В.И. Колчак о себе // *Сибирские огни*. 1993. № 5–6. С. 131–142.

Щепкин Г. Сибирь и Колчак. Новочеркасск: Издание Н.И. Шерстнякова, Типография Управления артиллерии Всевеликого войска Донского, 1919. 36 с., 1 илл.

REFERENCES

Admiral Aleksandr Vasil'evich Kolchak [Admiral Aleksandr Vasil'evich Kolchak] Perm': Izdatel'stvo "Osvobozhdenie Rossii", 1919. 2 p. (in Russian).

Al'tman M.S. Zametki o Pushkine: Kto "veshchiy" v "Pesni o veshchem Olege"; Topol i topol'; Pushkinskie reministsentsii iz Krylova [Who is "Prophetic" in "The Song of Prophetic Oleg"; Topol and Topol'; Pushkin's Reminiscences from Krylov], in *Russkaya literatura*. 1964. No1. Pp. 138–142 (in Russian).

Auslender S. *Admiral Kolchak* [Admiral Kolchak]. Perm': Gazeta "Sibirskie strelki", 1919a. 8 p. (in Russian).

Auslender S. *Verkhovnyy pravitel' admiral A.V. Kolchak* [Supreme Governor Admiral A.V. Kolchak]. Omsk: Tipografiya Russkogo obshchestva pechatnogo dela, [1919b]. 33 p. (in Russian).

B.I.Ch. *Admiral Kolchak* [Admiral Kolchak]. Rostov-on-Don, 1919. 16 p. (in Russian).

Berdyayev N.A. Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda [Philosophical Truth and the Truth of Intelligentsia], in *Vekhi. Iz glubiny* [Landmarks. De Profundis]. M.: Pravda, 1991. Pp. 11–30 (in Russian).

Blok M. *Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavleniy o sverkhlestvennom kharaktere korolevskoy vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England]. M.: Shkola "Yazyki russoy kul'tury", 1998. 712 p. (in Russian).

Verkhovnyy pravitel' A.V. Kolchak [Supreme Governor A.V. Kolchak]. Perm': Izdatel'stvo "Osvobozhdenie Rossii", 1919a. (in Russian).

Verkhovnyy pravitel' Rossii admiral Aleksandr Vasil'evich Kolchak [Supreme Governor of Russia Admiral Aleksandr Vasil'evich Kolchak]. S.I., 1919b. 16 p. (in Russian).

Vibe P.P. 22 dekabrya 1918 v Omske [December 22, 1918, in Omsk], in *Omskiy istoriko-kraevedcheskiy slovar'*. M., 1994. Pp. 49–50 (in Russian).

Vologodskiy P.V. *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In Power and Exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik Governments and Emigrant in China] / Sost. D.G. Vul'fa, N.S. Lar'kova, S.M. Lyandresa. Ryazan', 2006. 619 p. (in Russian).

Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak: Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva)* [Siberia, the Allies and Kolchak. The Turning Point of Russian History. 1918–1920. Impressions and Thoughts of a Member of the Omsk Government]. Peking: Obshchestvo vrozozhdeniya Rossii, 1921. T. 1. 325 p. (in Russian).

Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak: Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva)* [Siberia, the Allies and Kolchak. The Turning Point of Russian History. 1918–1920. Impressions and Thoughts of a Member of the Omsk Government]. Peking: Obshchestvo vrozozhdeniya Rossii, 1921. T. 2. 606 p. (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-341. Inv. 1. D. 52.

GARF. F. R-341. Inv. 1. D. 68.

Grimm Ya. *Germanskaya mifologiya* [Teutonic Mythology] / Pod red. F.B. Uspenskogo. T. 1. M.; Izd. dom YaSK, 2018. 928 p. (in Russian).

Gukovskiy G.A. *Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and Russian Romanticists]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 356 p. (in Russian).

D.K. Admiral Kolchak [Admiral Kolchak], in *Sibirskiy vestnik*. 1918. 29 oktyabrya (in Russian).

Devyat'yarova I.G. *Portrety Verkhovnogo Pravitelya admiral A.V. Kolchaka (1919 g.): k istorii sozdaniya i bytovaniya* [Portraits of the Supreme Governor Admiral A.V. Kolchak (1919): To the History of Creation and Existence], in *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: Materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Omsk, 25–26 okt. 2017 g.)* [Civil war in the east of Russia: a look through the documentary heritage: Materials of the II Russian scientific-practical conf. with Intern. participation (Omsk, October 25–26, 2017)]. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2017. 440 p. (in Russian).

Zhuravlev V.V. *Otkrytie Vremennykh prisutstviy departamentov Pravitel'stvuyushchego Senata v Omske 29 yanvarya 1919 goda* [Opening of Provisional Offices of Departments of the Governing Senate in Omsk on January 29, 1919], in *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2011. T. 10. Vol. 1. Pp. 171–191. (in Russian).

Zadachi verkhovnoy vlasti: Beseda predstaviteley pechati s Verkhovnym Pravitelem admiralom A.V. Kolchakom [Objectives of the Supreme Power: Conversation of Representatives of the Press with the Supreme Governor Admiral A.V. Kolchak], in *Pravitel'stvennyy vestnik*. 1918. 30 noyabrya (in Russian).

Ivanov V. Partizany: Rasskaz [Partisans: Story], in *Krasnaya nov'*. 1921. No 1. Pp. 5–31 (in Russian).

Il'in I.S. *Skitaniya russkogo ofitsera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920*. [Wandering of a Russian Officer: Diary of Iosif Ilyin. 1914–1920]. M.: Russkiy put', 2016. 480 p. (in Russian).

Ioffe G.Z. *Kolchakovskaya avantюра i ee krakh* [Kolchak's Affair and its Failure]. M.: Mysl', 1983. 298 p. (in Russian).

K narodu russkomu o Verkhovnom Pravitele i pravitel'stve [To the Russian Nation about the Supreme Governor and the Government]/ Shtab Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. Omsk, 1919. 7 p. (in Russian).

Kiparisov V. *Verkhovnyy pravitel' admiral A.V. Kolchak* [Supreme Governor Admiral A.V. Kolchak]/ Omsk: Izdanie Literaturno-khudozhestvennogo otdela kantselyarii shtaba 3-y armii, 1919. 37 p. (in Russian).

Kolonitskiy B.I. Admiral Kolchak kak "syn leytenanta Shmidta" [Admiral Kolchak as a "Son of Lieutenant Schmidt"], in Kolonitskiy B.I. *1917: semnadsat' ocherkov po istorii rossiyskoy revolyutsii* [1917: seventeen essays on the history of the Russian revolution]. SPb.: Izd-vo EUSPb, 2017. 141 p. (in Russian).

Kolonitskiy B.I. Pamyat' o pervoy rossiyskoy revolyutsii v 1917 godu: sluchai Sevastopolya i Gel'singforsa [Memory of the First Russian Revolution in 1917: The Cases of Sevastopol and Helsingfors], in *Neprikosnovennyy zapas*. 2009. No2. Pp. 20–54 (in Russian).

Lukov E.V., Shevelev D.N. *Osvedomitel'nyy apparat beylo Sibiri: struktura, funktsii, deyatel'nost' (iyun' 1918–yanvar' 1920 g.)* [Informative Apparatus of White Siberia: Structure, Functions, Activity (June 1918–January 1920)]. Tomsk, 2007. 184 p. (in Russian).

"Milaya, obozhaemaya moya Anna Vasil'evna..." ["My Dear, Adorable Anna Vasilyevna..."]. Sb. dok. / Sost. T.F. Pavlova, F.F. Perchenok, I.K. Safonov. M., 1996. 576 p. (in Russian).

Morskoy N. (Lebedev N.K.) *Kto takoy Kolchak?* [Who is Kolchak?] Rostov-on-Don, 1919. 14 p. (Narodnaya biblioteka. vol. 3. Seriya 2: Vozhdi i geroi Rossii). (in Russian).

N.V. *Sibir' i Moskva* [Siberia and Moscow], in *Svobodnaya Sibir'* (Novonikolaevsk). 1919. 30 yanvarya. No 21. Pp. 2–3 (in Russian).

Nol'te E. *Fashizm v ego epokhe. Aks'on Fransez. Ital'yanskiy fashizm. Natsional-sotsializm* [Fascism in its Era. Action Francaise. Italian Fascism. National Socialism]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2001. 568 p. (in Russian).

Ol'gin I. *Verkhovnyy pravitel' Rossii admiral A.V. Kolchak* [Supreme Governor of Russia Admiral A.V. Kolchak]. Khar'kov: Tip. M. Dreishpul' i S-v'ya, 1919. 31 p. (in Russian).

Omskie sobytiya pri Kolchake [Omsk Events under Kolchak] / Predisl. M.M. Konstantinova, in *Krasnyy arkhiv*. 1924. No 7. Pp. 201–246 (in Russian).

Pravitel'stvennyy vestnik (PV). 1918. 20 noyabrya (in Russian).

Pravitel'stvennyy vestnik (PV). 1918. 27 noyabrya (in Russian).

Privetstvennyye poslaniya Verkhovnomu Pravitelyu i Verkhovnomu glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918–noyabr' 1919 gg. [Complimentary Addresses to the Supreme Governor and the Supreme Commander Admiral A.V. Kolchak. November 1918–November 1919] / Sost. i nauch. red. V.V. Zhuravlev. SPb., 2012. 560 p. (in Russian).

Priem predstaviteley pechati Verkhovnym Pravitelem, in *Sibirskaya rech'*. 1918. 30 noyabrya (in Russian).

Serebrennikov I.I. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Velikiy otkhod* / Sost. V.A. Mayera. M: OOO "Izdatel'stvo ACT"; ZAO NPP "Ermak", 2003. 695 p. (in Russian).

Sibirskaya rech' (SR). 1919. 12 fevralya; 13 fevralya; 14 fevralya; 18 fevralya; 19 fevralya; 21 fevralya; 22 fevralya; 23 fevralya; 26 fevralya; 27 fevralya (in Russian).

Simonov D.G. *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [White Siberian Army]. Novosibirsk, 2010. 613 p. (in Russian).

Shevelev D.N. *Deyatel'nost' osvedomitel'nykh i kul'turno-prosvetitel'nykh organov Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka po obedineniyu i koordinatsii antibol'shevistskoy propagandy: sozдание Russkogo byuro pechati i Osvedverkha* [The Activities of the Informative and Cultural and Educational Establishments of the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak on Uniting and Coordinating of Anti-Bolshevik Propaganda: Inventing the Russian Press Bureau and Osvedverh], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. No 340 (noyabr'). Pp. 113–117 (in Russian).

Shishkin V.I. 1918 god: ot Direktorii k voennoy diktature [1918: From Directorate to Military Dictatorship], in *Voprosy istorii*. 2008. No 10. Pp. 42–61 (in Russian).

Shishkin V.I. *Admiral A.V. Kolchak: na puti k voennoy diktature (19 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g.)* [Admiral A.V. Kolchak: On the Way Towards Military Dictatorship], in *Golosa Sibiri: Literaturnyy al'manakh*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007. Vol. 6. Pp. 773–824, 1445–1453 (in Russian).

Shishkin V.I. *Kolchak o sebe* [Kolchak About Himself], in *Grani* (Frankfurt on the Main) 1992. No 165. Pp. 128–146 (in Russian).

Shishkin V.I. *Kolchak o sebe* [Kolchak About Himself], in *Sibirskie ogni*. 1993. No 5–6. Pp. 131–142 (in Russian).

Sibir' i Moskva [Siberia and Moscow]. Novonikolaevsk: Novaya Rossiya, Zakupsbyt, 1919. 16 p. (in Russian).

Sh'epkin G. *Sibir' i Kolchak* [Siberia and Kolchak]. Novocheboksaysk: Izdanie N.I. Sherstnyakova, Tipografiya Upravleniya artillerii Vsevelikogo voyska Donskogo, 1919. 36 p. (in Russian).